

М. А. Лукацкий

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ¹

УДК 930.1
ББК 60.031

В статье рассматриваются проблемы постижения реалий процесса становления педагогической науки и сферы образования с точки зрения методов, средств и процедур исторического познания. Анализируются концепции, определяющие подходы к построению методологии исторического познания. В число тех, кто определил теоретический лик исторического познания с конца XIX столетия по настоящее время, входят Ф. Ницше, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, В. Дильтей, М. Вебер, К. Поппер, М. Хайдеггер, чьи работы стали рефлексивной основой данного исследования.

Ключевые слова: единство и многообразие исторического процесса; познание истории, методы исторического познания; постмодернизм.

M. A. Lukatsky

METHODOLOGY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

The article deals with the problems of understanding the realities of the process of formation of pedagogical science and education in terms of methods, means and procedures of historical knowledge. The concepts defining approaches to the construction of the methodology of historical knowledge are analyzed. Among those who determined the theoretical face of historical knowledge from the end of the XIX century to the present time are F. Nietzsche, V. Windelband, H. Rickert, W. Dilthey, M. Weber, K. Popper, M. Heidegger, whose works became reflexive basis for this research.

Key words: unity and diversity of historical process; knowledge of history, methods of historical knowledge; postmodernism.

¹ Лукацкий М. А. Теоретическое и методологическое измерение историко-педагогического познания: В кн.: Корнетов Г. Б. История педагогики: теоретическое введение: учеб. пособие. – М.: АСОУ, 2013. 172 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 60). С. 106–159.

Приложимо ли слово «методология» (учение о методах, средствах и процедурах научной деятельности) к размышлениям о ходе истории, о постижении событий прошлого? Если понимать историю как дисциплину исключительно описательную, выстраивающую свои повествования на уже имеющемся фактологическом знании, а именно так долго и трактовали историю, то скорее всего неприложимо. В такой истории мало теоретического, ей не присущи рассуждения о методах, средствах и процедурах исторического познания, и потому использование слова «методология» для обозначения специфики деятельности историка не оправдано. Но это только в том случае, если понимать историю так, как было сказано выше.

По убеждению Р. Дж. Коллингвуда, возможность толкования истории лишь как свода хроник, сведений о прошедшем, рассказов о минувшем, оказалась исчерпанной уже к концу XIX — началу XX в. Он писал: «До конца девятнадцатого — начала двадцатого века исторические исследования находились в положении, аналогичном положению естественных наук догалилеевской эпохи. Во времена Галилея с естествознанием произошло нечто такое..., что внезапно и в громадной степени ускорило их

движение вперед и расширило их кругозор. К концу девятнадцатого века нечто подобное случилось (хотя и более постепенно, может быть, менее драматично, но тем не менее вполне определенно) и с историей.

До этого времени историограф в конечном счете, как бы он ни пыжился, морализировал, выносил приговоры, оставался компилятором, человеком ножниц и клея. В сущности, его задача сводилась к тому, чтобы знать, что по интересующему его вопросу сказали «авторитеты», и к колышку их свидетельств он был накрепко привязан, сколь бы длинной ни была эта привязь и сколь бы сочным ни был луг, на котором ему было дозволено пастись. Если же научные интересы влекли его к сюжетам, не подкрепленным свидетельствами авторитетов, он оказывался в пустыне, где ничего не было, кроме песка невежества и миражей воображения¹. Становление истории в качестве науки, самостоятельной и полноценной, по утверждению Р. Дж. Коллингвуда, приходится на конец XIX — начало XX столетия, и потому серьезный разговор о методах, средствах и процедурах исторического познания, то есть о методологии, и стал вестись, лишь начиная с этого времени².

¹ Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. С. 367.

² Отсутствие выверенных методологических оснований у исторической науки констатировалось и ранее. Так, еще в середине XIX в. И. Г. Дройзен — выдающийся немецкий историк и философ отмечал, что если поставить вопрос о научном смысле исторических занятий и их отношении к другим сферам человеческого познания, если спросить историков «об обосновании их метода, о внутренней связи их средств и задач, то они до сих пор не состоянии удовлетворительно ответить на эти вопросы» (Дройзен И. Г. Историка / пер. с нем. СПб., 2004. С. 529).

Резко активизировавшаяся в конце XIX — начале XX в. полемика относительно того, какой должна быть методология исторического познания, конечно же, не могла не затрагивать вопроса о том, что собой представляет «тело» истории. Является оно целостным и единым, или его целостность и единство есть пустая абстракция, заслоняющая фрагментарную реальность прошлого, образованную совокупностью разных не похожих друг на друга культур и цивилизаций. И первая идейная позиция, уже укорененная в трудах историков, живших ранее, и вторая, артикулированная на рубеже XIX—XX вв., **нашли свое развитие** и заняли паритетные места в диалоге ученых о единстве и многообразии исторического процесса.

Появление позиции, отрицающей единство истории (Н. Я. Данилевский, П. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби)³, отнюдь не было случайностью. Ее быстрому становлению способствовал ряд факторов.

Один из них — реакция на узость и односторонность установки европоцентризма, которой в тот период придерживались многие историки. Толкование хода истории как процесса постепенного распространения по всему миру ценностей европейской культуры и цивилизации столкнулось с фактами (Крестовые походы, захват новооткрытых земель, колониальные войны и др.), отрицающими безого-

ворочное превосходство европейского уклада жизни над укладом восточным, начало испытывать серьезные трудности в обосновании, в нем стали сомневаться и подвергать критике.

Еще один фактор — новые концепции времени, развитые в трудах А. Бергсона, В. Дильтея. История — наука о прошлом. Будучи дисциплиной, помещающей прошлое в фокус своего внимания, история должна иметь ответ на вопрос: что есть прошедшее время? Оба упомянутых выше мыслителя предложили такое понимание феномена времени, которое неразрывно связывало его с понятием «жизнь». Астрономическое время (календарное время истории), существующее само по себе, было охарактеризовано ими как иллюзия, истинным же было названо время, неразрывно связанное с внутренними переживаниями человеком жизни. Астрономическое время (календарное) — это время условное, оно есть время, специально изобретенное (искусственное) людьми для решения практических задач измерения продолжительности событий. А. Бергсон полагал, что настоящее время — это та реальная длительность и непрерывность переживаний, которые каждый ощущает в своем внутреннем мире. Несколько иначе думал В. Дильтей, он предложил иную, но также базирующуюся на понятии «жизнь» трактовку времени. Для него время — это

³ Если Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер всецело отрицали единство всемирно-исторического процесса, то отрицание единства мировой истории П. Сорокиным и А. Тойнби было неполным. Их трактовка истории как процесса возникновения и угасания неповторимых цивилизаций включала в себя утверждение о том, что они (локальные цивилизации) все же связаны поступательным развитием человечества.

конкретная форма протекания жизни. В. Дильтей так же, как и А. Бергсон, отрицает статус подлинного времени у времени математики и естествознания. Вывод, который невозможно было не сделать историкам того времени, согласившимся с мыслителями в том, что понятия «время» и «жизнь» взаимно дополняют друг друга, таков: использование астрономического (календарного) времени, представляющего перед взором исследователя прошлого в виде метафорического образа стрелы, всегда летящей с одной скоростью и в одном направлении, в историческом исследовании может быть лишь условным, вспомогательным.

И наконец, еще об одном факторе, ускорившем появление концепций, отрицающих единство исторического процесса. В конце XIX — начале XX в. проблема возникновения нового стала одной из центральных проблем, приковавших к себе взоры ученых. Интерес к ней был подогрет эволюционистскими идеями, под знаменем которых велись в то время многие натуралистические исследования. В ходе обсуждения проблемы выяснилось, что отождествлять рождение нового с процессом однолинейного развития, полностью заданного и определенного прошлым, не учитывающего настоящего — того конкретного «здесь» и «сейчас», которое несет в себе ростки будущего, нет ни смысла, ни оснований. Из такой констатации следовало, что объяснение феномена появления нового в жизни людей предполагает знание их настоящего, и никакие вечные (не-

изменные) законы в этом помочь не могут. Настоящее, а не скрывающееся в вечности время, выступает тем реальным центром, в котором отличаются конкретные формы и способы общественного бытия. А раз так, то понятия «изменчивость», «подвижность», «временность» должны рассматриваться как базовые в контексте постижения мира человеческого существования. И, соответственно, исследования, ориентированные на изучение надвременных основ жизни (к примеру, единых законов истории), должны уйти в прошлое. Многообразие социального бытия соткано из отдельных неповторимых культур и цивилизаций, рождающихся, расцветающих, стареющих и затем навсегда покидающих его сцену, и потому настоящая история — повествование об этом.

Обрела своих весомых защитников и противоположная позиция в диалоге о целостности и дискретности, единстве и прерывистости исторического процесса (Ф. Бродель, К. Ясперс и др.). Они нисколько не сомневались в том, что за пышным эмпирическим многообразием истории скрывается ее единство. Многообразие — это та видимость, которую образуют особенности исторического процесса, характерные для него в определенное время и в определенном месте, невидимой же сущностью истории выступает ее единство. Историк и должен, писал Ф. Бродель, «стремиться к “воссозданию единства” прошлого человечества, не упрощая его, сохраняя в уме глобальное видение»¹.

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: в 3 т. / Пер. с фр. М., 1988. Т. 2. С. 40.

Говорит о единстве мировой истории и К. Ясперс, обосновывая свое видение данными о едином происхождении человечества и фактами, подтверждающими единый путь его развития. По убеждению К. Ясперса, вся история человечества состоит из четырех больших периодов: доисторического, эпохи великих культур древности, осевого времени и эры научно-технического развития.

Вот как он описывает это в книге «Истоки истории и ее цель»: «В виде *схемы* историю в узком смысле можно представить себе следующим образом.

Из темных глубин доистории, длящейся сотни тысячелетий, из десятков тысячелетий существования подобных нам людей в тысячелетия, предшествующей нашей эре, в Месопотамии, Египте, в долине Инда и Хуанхэ возникают великие культуры древности.

В масштабе всей земной поверхности это — островки света, разбросанные во всеобъемлющем, сохранившемся едва ли не до наших дней мире первобытных народов.

В великих культурах древности, в них самих или в орбите их влияния в осевое время, с 800 по 200 г. до н.э., формируется духовная основа человечества, причем независимо друг от друга в трех различных местах — в Европе с ее поляризацией Востока и Запада, в Индии и Китае.

На Западе, в Европе, в конце Средних веков возникает современная наука, а за ней с конца XVIII в. сле-

дует век техники; это — первое после осевого времени действительно новое свершение духовного и материального характера. <...>

Сегодняшний мир... постепенно в ходе длительного процесса, идущего с XVI в., благодаря развитию техники фактически стал единой сферой общения, которая, несмотря на борьбу и раздробленность, во все возрастающей степени настойчиво требует политического объединения, будь то насильственного в рамках деспотической мировой империи, будь то в рамках правового устройства мира в результате соглашения»¹.

Следует отметить, что размышлениями о единстве и многообразии исторического процесса, о том, целостным ли является полотно истории, с имеющимися на нем разными узорами, или история — это лишь сумма уникальных и внутренне замкнутых образований (культур, цивилизаций), стали приметой исторического дискурса, начавшегося вестись на рубеже XIX—XX столетий и продолжающегося в менее интенсивных формах по сей день. К обретению окончательной ясности в вопросе о целостности и дискретности истории эти дебаты, конечно же, не привели, да и не могли привести, так как ответ на него не может быть получен строго научным путем. Он рождается в сознании историка и составляет предмет его научной веры.

В какой бы научной вере не утвердился историк, перед ним всегда

¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории / пер. с нем. М., 1991. С. 51–52.

будет стоять проблема выбора метода постижения реальности прошлого, имеющего или не имеющего скрепы, соединяющие в единый событийный поток то, что случилось в минувшее время. За время, прошедшее с конца XIX в. по **настоящий день**, появился целый ряд самобытных, стройных, заземленных на прочном фундаменте теоретических методов познания прошлого. Эти методы — плоды творческих усилий выдающихся мыслителей и ученых, взявшихся за дело нахождения путей, надежно ведущих историка к постижению реалий, скрывающихся за завесой минувшего. В число тех, кто определял теоретический лик исторического познания на этом временном участке, по праву входят Ф. Ницше, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, В. Дильтей, М. Вебер, К. Поппер, М. Хайдеггер и многие другие, снимавшие покров таинственности с деятельности, позволяющей людям увидеть без всяких прикрас свое прошлое.

Первичное представление о том, какой теоретический облик приобрело историческое познание в период с **конца XIX по начало XXI в.**, дает краткий обзор подходов к постижению прошлого, предложенных перечисленными выше мыслителями и учеными.

В конце XIX в. **взгляд на историю**, согласно которому ее смысл состоит в неуклонном и последовательном воплощении идей прогресса и свободы в бытии поколений людей, и взгляд, в

соответствии с которым исторический процесс — это материализация идейного замысла высших сил, были подвергнуты резкой критике Ф. Ницше. Строки, посвященные разоблачению этих, по мысли Ф. Ницше, чрезвычайно опасных и вредных для человека исторических видений, несложно найти во всех его трудах. Взамен опровергаемой им трактовки истории как сферы деятельности высших сил и воплощения абстрактных идей прогресса и свободы он предлагает свою версию понимания истории и осуществления исторического познания. Версия эта — волюнтаристская, ставящая историческое познание в зависимость от воли человека, предпринимающего попытку осмысления прошлого. Воля (хотение) — основа бытия, именно она, а не какие-то выдуманные силы, направляет человека на поиски всего того, что нужно для его жизни. Поиск людьми своей истории также инициирован волевым началом.

Человеку дана память, и потому, говорит в афористическом ключе Ф. Ницше, «он навсегда прикован к прошлому; как бы далеко и как бы быстро он ни бежал, цепь бежит вместе с ним»¹. Колоссальная и непрерывно возрастающая «тяжесть прошлого» лежит на человеке, пишет Ф. Ницше, она «или пригибает его вниз, или отклоняет его в сторону, она затрудняет его движение, как невидимая и темная ноша, от которой он для виду готов иногда отречься, как это он слишком охотно и делает

¹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 161.

в обществе равных себе, чтобы возбудить в них зависть»¹. «Жизнь нуждается в услугах истории»², и воля человека подталкивает его к поиску инструмента, дающего возможность облегчить себе жизнь, снять с себя бремя, налагаемое на него памятью. Исторические повествования и являются собой инструмент, позволяющий людям облегчать жизнь, то есть делать с его помощью так, чтобы одни события прошлого лучше, чем другие, сохранялись в людской памяти, и так, чтобы интерпретации событий, хранящихся в памяти, не тревожили, не беспокоили их.

Ф. Ницше выделяет три рода исторических повествований, выполняющих функцию освобождения человека от избыточной «тяжести прошлого»: монументальные, антикварные и критические. По своей сути эти повествования есть не что иное, как «услуги, которые может оказать жизни история»³.

Монументальная история — это повествование о «подъеме человечества на вершины развития в ходе тысячелетий», которое полезно человеку тем, что «он научается понимать, что то великое, которое некогда существовало, было, во всяком случае, хоть раз *возможно*, и что поэтому оно может стать возможным когда-нибудь еще раз; он совершает

свой путь с большим мужеством, ибо теперь сомнения в осуществимости его желаний, овладевающие им в минуты слабости, лишаются всякой почвы»⁴.

Антикварная история — это повествование, «с верностью и любовью» направляющее взор человека «туда, откуда он появился, где он стал тем, что он есть»⁵. Благодаря такому повествованию в душе человека живет «благоговейное отношение» к тем вещам, с которыми он сталкивался ранее. И тогда все «мелкое, ограниченное, подгнившее и устарелое приобретает свою особую, независимую ценность и право на неприкосновенность вследствие того, что консервативная и благочестивая душа антикварного человека как бы переселяется в эти вещи и устраивается в них, как в уютном гнезде»⁶. Антикварное повествование служит жизни тем, что оно «привязывает... поколения и народности к их родине и родным обычаям, делает их более оседлыми и удерживает от стремления искать счастья на чужбине и бороться за него с другими»⁷.

Критическая история — это повествование, в контексте которого человек «привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор». Иногда для того, чтобы продолжать жить,

¹ Там же.

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 169, 170–171.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Ницше Ф. Указ. соч. С. 174.

⁷ Там же. С. 175.

человеку нужно «пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое». Тогда-то минувшее и подвергается критическому рассмотрению, тогда-то и «подступают с ножом... к корням» прошедших событий. Этой цели, по убеждению Ф. Ницше, и служит критическая история.

Оригинальное видение того, что представляет собой процесс познания прошлого, было предложено в конце XIX—начале XX в. и представителями Баденской школы неокантианства — В. Виндельбаном и Г. Риккертом. Они полагали, что существовавшая в то время классификация наук по объекту изучения изжила себя и должна уступить место классификации наук по методу исследования. Все науки, доказывали В. Виндельбанд и Г. Риккерт, можно разделить на две группы: науки одной группы (науки о природе) используют в процессе познания реальности номотетический (генерализирующий) метод, приводящий к установлению законов; науки другой группы (науки о культуре) — идиографический (и н д и в и д у а л и з и р у ю щ и й), нацеленный на получение данных, характеризующих предмет познания со стороны его самобытности, неповторимости.

Эти методы, по их мысли, не противостоят друг другу, а находятся в отношении взаимодополнения. «Отдельные науки являются либо генерализирующими, либо индивидуализирующими, — пишет Г. Риккерт. Их материал состоит либо из объ-

ектов природы, то есть действительности, утратившей всякую связь с ценностями, либо из явлений культуры, то есть действительности, отнесенной к ценностям. Это все, конечно... — лишь весьма общая схема. Приводя ее, мы отнюдь не хотим утверждать, что отдельные науки работают при посредстве либо одного только генерализирующего, либо одного лишь индивидуализирующего метода, что они занимаются либо одними объектами природы, либо только явлениями культуры и что объекты природы можно рассматривать только генерализирующим, а явления культуры только индивидуализирующим способом. Наоборот, при разработке одного и того же материала различные методы бывают тесно сплетены друг с другом, так что указанные принципы могут комбинироваться между собой самым различным образом. Исходным пунктом для генерализирующей науки служат индивидуальные факты, индивидуализирующий же метод нуждается в общих понятиях как обходных путях для изображения и связывания объектов между собою. Наряду с генерализирующими науками о природе имеется целый ряд наук, рассматривающих объекты природы индивидуализирующим способом и, стало быть, через отнесение к ценности...»¹.

В приведенной цитате Г. Риккерта несколько раз употреблено слово «ценность». Оно — ключевое в учении немецкого мыслителя об историческом познании. Для неокантианца Г. Риккерта ценность есть продукт де-

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем. М., 1998. С. 166.

ятельности (порождение) чистого сознания, она (ценность) обладает лишь идеальным бытием. Акт познания — это всегда соотнесение изучаемого предмета и определенного эталона. В случае изучения объекта природы, познание — это соотнесение его и эталона длины, веса, скорости и т. д., в случае же изучения феномена культуры познание — это соотнесение этого феномена и эталона нормы, должного, значимого для человека — ценности, согласно терминологии Г. Риккерта.

История — одна из наук о культуре, ее основной метод познания — индивидуализирующий. Подтверждая правильность этого утверждения, Г. Риккерт приводит следующие аргументы: «Всегда и всюду историк стремится понять исторический предмет — будь это какая-нибудь личность, народ, эпоха, экономическое или политическое, религиозное или художественное движение, — понять его как единое целое, в его единственности (*Einmaligkeit*) и никогда не повторяющейся индивидуальности и изобразить его таким, каким никакая другая действительность не сможет его заменить. Поэтому история, поскольку конечной целью ее является изображение объекта во всей его целостности (*Totalität*), не может пользоваться генерализирующим методом, ибо последний, игнорируя единичное как таковое и отвлекаясь от всего индивидуального, ведет к прямой логической противоположности тому, к чему стремится история»¹.

Вместе с тем, добавляет Г. Риккерт, использование в ходе исторического познания индивидуализирующего метода должно быть в обязательном порядке дополнено использованием процедур отнесения к ценности. Только действуя так, то есть органично объединяя в исследовании индивидуализирующий метод и процедуры отнесения к ценности, историк сможет выяснить, имеет или нет то или иное конкретное событие значение для жизни людей определенной эпохи, только придерживаясь такой исследовательской стратегии он «получает возможность расчленять всю действительность на существенные и несущественные элементы»².

Процесс соотнесения конкретного исторического события и ценностей (общих понятий, рожденных чистым сознанием), действительно, напоминает то, что происходит в науках о природе, когда поведение природного объекта объясняется общими законами. Но делать из этого вывод о том, что в целом «логическая структура истории не отличается от логической структуры генерализирующих наук»³, было бы, по мысли Г. Риккерта, серьезной ошибкой.

Отличительной чертой метода исторического познания, предложенного В. Виндельбантом и Г. Риккертом, стало то, что его основные характеристики оказались жестко увязанными с общими гносеологическими установками Баденской школы неокантианства, касающимися сущнос-

¹ Там же. С. 144.

² Там же. С. 158.

³ Риккерт Г. Указ. соч. С. 159.

ти научного знания, возможностей и границ познавательной деятельности, ценностного сознания субъекта, познающего мир.

Идея разделения наук на науки о природе и науки о духе была основополагающей для В. Дильтея, мировоззренческие взгляды которого лежали в плоскости «философии жизни». Человеческий мир, по убеждению В. Дильтея, историчен по своей сути. Доступ к познанию этого мира открывают науки о духе, центрированные на изучении феномена «переживания» (структурного единства представлений, суждений, чувств, желаний, актов воли), отличающего бытие человека от всего остального, существующего в природе. В процессе практической жизни внутренние переживания людей объективируются, приобретают вещественные формы, становятся государственными институтами, социальными организациями, культурными, религиозными, юридическими, философскими, художественными и другими системами. Объективированными переживаниями являются и дошедшие до нас свидетельства прошлого. Эти объективации человеческого духа («устойчиво фиксированные проявления жизни»¹) вполне возможно снова превратить в переживания, то есть прочувствовать, осмыслить и понять их.

Понимание — это «повторное обретение “я” в “ты”»². Оно («понимание проявлений другой жизни

и других людей») формируется на основе «переживания и понимания себя»³. Такое понимание и выступает, по утверждению В. Дильтея, базисом научного исторического познания.

Серьезный вклад в развитие представлений о путях и способах исторического познания внес М. Вебер. Один из вопросов, которым он задавался на протяжении всей своей творческой жизни, был вопрос о том, как придать историческим исследованиям такую же строгость, какая есть у естественных наук.

Герменевтический метод исторического познания, в контексте которого достигается эмпатическое вживание в минувшее, интуитивное постижение духа другой эпохи, не отвечает требованиям общезначимости, а значит и научности. Этот метод не научен по той причине, что он несет на себе недопустимую нагрузку психологизма, приковывающего внимание исследователя к внутренним переживаниям живших ранее людей и уводящего его от главной для истории проблемы постижения ее логики и смысла.

Индивидуализирующий метод, позволяющий увидеть прошлое в полноте его неповторимости, в случае сопряжения его с процедурой отнесения к ценности, дающей возможность выявить историческую значимость изучаемого явления, в большей мере, чем герменевтический, соответствует статусу научного. Однако и у этого метода, если рассматривать его в ре-

¹ Дильтей В. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. С. 265.

² Там же. С. 239.

³ Там же. С. 253.

дакции Г. Риккерта, есть, по утверждению М. Вебера, научные минусы. Таковым, в частности, является понимание ценностей как продуктов, порождаемых чистым сознанием, как таких образований, которые никоим образом не связаны с конкретными условиями жизни человека и имеющими вневременной, надисторический характер.

В ходе разработки метода исторического познания, соответствующего критерию общезначимости, М. Вебер обосновывает другую трактовку понятия «ценность». Сначала он приводит доводы, согласно которым следует отказаться от надисторической трактовки понятия «ценность», предложенной Баденской школой неокантианства, а затем дает ему (понятию) другое толкование: ценность — это то, что является важным, значимым для конкретной эпохи, — это те «ценностные интересы»¹, которые определяют дух ее времени. То, как проявляют себя ценностные интересы эпохи, М. Вебер демонстрирует на примере деятельности ученых. Любое исследование несвободно от ценностного видения и интересов ученого, живущего в том или ином культурно-историческом контексте. Каждый ученый сквозь призму определенных ценностей смотрит на мир, каждым руководит конкретный познавательный интерес, в соответствии с которым осуществляется выбор способа изучения интересующего его феномена. Ученый всегда ценностно ориентирован и всегда, изучая интересующее его явление, набрасывает

на него сетку разделяемых им ценностных представлений, что в конечном итоге и позволяет ему выявлять смысл этого явления. М. Вебер доказывает, что появление у ученого ценностного видения и возникновение у него познавательного интереса нельзя считать случайным. И ценностное видение, и познавательные интересы, задающие направление научному поиску, предлагаются ученому эпохой, духом времени. В этом нетрудно убедиться, заявляет М. Вебер. Достаточно обратить внимание на понятия, которые используются ученым, и на тот отчетливый отпечаток эпохи и духа ее времени на них, как сразу же станет очевидным, что так оно и есть. М. Вебер, в частности, отмечает: по тому, какие понятия привлекаются учеными для проведения исследования, можно уверенно судить о «ценностных интересах» эпохи.

Введенное в оборот понятие «ценностные интересы» эпохи М. Вебер конкретизирует с помощью специально сконструированной им для этого теоретической конструкции, названной «идеальным типом». «Идеальный тип», писал М. Вебер, — это «мысленный образ», который «сочетает определенные связи и процессы исторической жизни в некий лишенный внутренних противоречий космос мысленных связей. По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определенных элементов действительности»². Эта конструкция, по мысли М. Вебера,

¹ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М., 1990. С. 570.

² Вебер М. Указ. соч. С. 389.

должна осуществлять ту же функцию, что и теоретические конструкции в естествознании, такие, к примеру, как абсолютно упругое тело, абсолютно пустое пространство и многие другие. «Идеальный тип» — это конструкция, являющаяся методологическим инструментом, с его помощью исследователь получает возможность ориентироваться в многообразии исторического материала, интерпретировать его с точки зрения того, насколько эмпирическая реальность, данная в свидетельствах прошлого, соответствует, совпадает или отличается от эталона, коим и выступает «идеальный тип».

Использование «идеальных типов» в качестве теоретических конструкций открывает дорогу к познанию «ценностных интересов» эпохи, а зная их, можно уверенно интерпретировать данные о конкретных событиях эпохи, полученные с помощью индивидуализирующего метода. Такая последовательность исследовательских действий надежно приведет историка к пониманию и причин, и смысла случившегося.

«Задача историка, — пишет М. Вебер, — понять каузальную связь события и смысла произошедшего в его конкретной действительности и индивидуальности... это, само собой разумеется, не означает... что событие будет полностью “репродуцировано” и каузально объяснено в совокупности всех своих индивидуальных качеств. Это было бы не только фактически невозможной, но и принципиально бессмысленной задачей. Историка надлежит дать каузальное объяснение только тех “ком-

понентов” и “сторон” изучаемого события, которые с определенных точек зрения имеют “всеобщее значение” и поэтому исторический интерес; совершенно так же и судья исходит в своем приговоре не из всего индивидуального хода событий, но только из тех компонентов, которые имеют существенное значение для подведения дела под определенную юридическую норму. Его не интересует — не говоря уже о бесконечном числе “совершенно” тривиальных мелочей — даже все то, что может представлять интерес с естественно-научной, исторической или художественной точек зрения. Так, например, “последовала ли смерть от нанесенного удара при известных “сопутствующих” явлениях, что может быть очень интересно физиологу; может ли положение мертвого тела или поза убийцы служить предметом художественного изображения; способствовала ли эта смерть “продвижению” в бюрократической иерархии не причастного к убийству, но как-то “связанного” с ним лица и, следовательно, оказалась для него каузально “ценной”; послужила ли она поводом для определенных предписаний охранной полиции или, может быть, даже для международных конфликтов и тем самым обрела “историческую” значимость. Единственно релевантное состоит для него в том, носит ли каузальная связь между ударом и смертью такой характер и является ли субъективный облик преступника таковым, что позволяет применить к нему определенную норму уголовного права. Историка же, например, в связи со смертью Цезаря интересу-

ют не юридические или медицинские проблемы, которые могут возникнуть при изучении этого “случая”, и не детали этого события, если они не существенны для “характеристики” Цезаря или борьбы партий в Риме, то есть не служат “средством познания” или, наконец, не имеют важных политических последствий, то есть не являются “реальной причиной”. Историка здесь прежде всего интересует то обстоятельство, что Цезарь был убит именно тогда, в той конкретной политической констелляции, и, в связи с этим он рассматривает вопрос, имел ли данный факт определенные важные “последствия” для “мировой истории”»¹. История — наука, которой «дарована вечная молодость»², но постепенно она окрепнет, приобретет внушительный теоретический вид и станет, был уверен М. Вебер, в один ряд с науками, чья строгость суждений и общезначимость выводов сомнению не подлежат.

В середине XX в. с жесткой критикой исторических взглядов, согласно которым историческое познание — это в первую очередь познание законов истории, выступил К. Поппер — логик и основоположник философской концепции критического рационализма. История засматривается на достижении естествознания и невольно

начинает копировать способы познания, присущие последнему. В сознании историков начинают жить калечащие науку вера и «надежда на то, что можно найти “законы движения общества”, подобные Ньютоновым законам движения физических тел»³. Соблазн открыть законы, управляющие историей, велик, так как в случае их обнаружения открывается возможность не только объяснить произошедшее и происходящее в жизни людей, но и предсказывать их будущее. Но историки должны понимать, что это лишь соблазн. Назвав позицию историков, усматривающих в прошлом «“ритмы”, “схемы”, “законы” или “тенденции”»⁴, историцизмом⁵, К. Поппер выдвинул против нее ряд критических аргументов. В обобщенном виде эти аргументы сводятся к следующим пяти тезисам:

«(1) Значительное воздействие на человеческую историю оказывает развитие человеческого знания...

(2) Рациональные или научные способы не позволяют нам предсказать развитие научного знания...

(3) Таким образом, ход человеческой истории предсказать невозможно.

(4) Это означает, что теоретическая история невозможна; иначе говоря, невозможна историческая социальная наука, похожая на теорети-

¹ Вебер М. Указ. соч. С. 469.

² Там же. С. 406.

³ Поппер К. Р. Ницета историцизма / пер. с англ. М., 1993. С. 132.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Понятие «историцизм», введенное К. Поппером, и «историзм», широко используемое в науке, — понятия, принципиально разные по смыслу. Историзм — это принцип рассмотрения исторических явлений, учитывающий динамику их изменений. Как понятие исторической науки, «историзм» утверждается в первой трети XX в., благодаря работам Э. Трёльча и Ф. Мейнеке.

ческую физику. Невозможна теория исторического развития, основываясь на которой можно было бы заниматься историческим предсказанием.

(5) Таким образом, свою главную задачу историцизм формулирует неправильно...»¹.

К. Поппер солидаризируется с теми, кто считает, что историк должен интересоваться *«действительными единичными или специфическими событиями, а не законами или обобщениями»*². Конечная задача исторического исследования состоит в формулировании «единичного суждения» о «единичном событии». Определяя «единичные начальные условия», в которых произошло «единичное событие», историк получает сведения, позволяющие ему дать «причинное объяснение единичного события». Считается историческим оно может «в той мере, в какой “причина” описывается с помощью единичных начальных условий»³.

К. Поппер настаивает на том, что «не может быть истории “прошлого в том виде, как оно действительно имело место”, возможны только исторические интерпретации, и ни одна из них не является окончательной»⁴. Острые жизненные проблемы, стоящие перед людьми, заставляют их обращать свои взоры в прошлое, для

того чтобы узнать, как их «беды связаны с прошлым»⁵. Следовательно, делает вывод К. Поппер, «каждое поколение имеет право по-своему интерпретировать историю, и не только имеет право, а в каком-то смысле и обязано это делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности»⁶.

«Историцизм, — отмечает К. Поппер, — очень древнее учение. Его первые формы, вроде учения о жизненных циклах городов и народов, появились даже раньше, чем примитивный телеологизм, согласно которому за, казалось бы, слепыми изгибами судьбы скрываются свои цели. Разгадывание целей, будучи весьма далеким от научного способа мышления, несомненно, наложило отпечаток на самые современные историцистские теории. В любой версии историцизма выражено чувство устремленности в будущее, — будущее, которое приближают некие необоримые силы»⁷.

К. Поппер допускает, что историцисты, являющиеся его современниками, не осознают, что их учение является столь древним. Но самое печальное, по его мысли, то, что историцисты не понимают основного, что история — это «то, случилось в прошлом. Это не река и не сила». Она «всегда заканчивается сегодня, в этот самый момент времени. Начиная

¹ Поппер К. Р. Указ. соч. С. 4–5.

² Там же. С. 165.

³ Там же. С. 165.

⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. М., 1992. С. 310.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Поппер К. Р. Нищета историцизма. С. 183.

с сегодняшнего дня, доказывает он, мы сами, наша воля, наши этические убеждения, — вот что может влиять (хотя, конечно, лишь отчасти) на то, что случится в будущем. Мы способны влиять на будущее, и не только посредством наших этических убеждений и верований, но и с помощью нашей готовности принять на себя ответственность с помощью критического к себе отношения, благодаря способности учиться и разучиваться, благодаря нашему скептицизму в оценке идеологий, особенно идеологий исторического характера»¹.

Проблема, касающаяся исторического бытия человека, была обстоятельно и самобытно рассмотрена и М. Хайдеггером, мыслителем, чьи труды оказали значительное влияние на развитие гуманитарных наук во второй половине XX в. В основе исторического видения М. Хайдеггера лежат установки его фундаментальной онтологии человеческого существования, построенной с привлечением феноменологических² и герменевтических³ идей.

Рассматривая человеческое сознание с помощью феноменологического метода, М. Хайдеггер приходит к выводу о том, что оно (сознание) должно пониматься как не вещь бытие, отличное от многообразия всего того сущего, которое доступно эмпирически. Человек в своем сознании отде-

ляет себя от всего прочего существующего в мире и тем самым получает возможность видеть мир, как противостоящий себе, как «все остальное». Это все остальное «в-мире-сущих» объектов для человека лишь фон, на котором главной фигурой выступает он сам. Предметное многообразие, видимое человеком, появляется только после того, как в своем сознании человек противопоставил себя и мир. Окружающий человека мир вторичен, он конструируется сознанием. Он (этот мир) коррелятивен сознанию, оно — основание, фундамент этого мира. С предметным миром, сконструированным сознанием, человек связан узами языка. Предметный мир другого человека ему также дан с помощью языка. И потому предметный мир — это сфера смыслов, содержащихся в языковых выражениях. Любой предмет — это не что иное, как совокупность определенных значений слов. И постичь эти значения без использования герменевтического метода нельзя. «Язык есть дом бытия», и если к нему прислушаться, то откроются смыслы всего того, что существует в пространстве жизни человека.

Анализ языковых выражений — путь к познанию предметного мира. Познание любого предмета начинается с постановки вопроса о его бытии, точнее, вопроса о смысле бытия того сущего, которое стало для меня пред-

¹ Там же. С. 3.

² Феноменология (нем. *Phänomenologie* — учение о феноменах) — направление в философии XX в., ставящее своими базовыми задачами описание истоков человеческого опыта и выявление сущностных черт человеческого сознания и познания.

³ Герменевтика (гр. *hermeneutike*, от *hermeneuo* — разъясняю, толкую) — направление в философии XX в., теория и методология истолкования текстов.

метом. Вопросание о бытии и есть первый шаг к его познанию.

С вопрошания о том, что есть история, и начинается ее постижение. Постижение истории — это движение по дороге вопросов и ответов, задаваемых человеком самому себе. Приведем пример такого вопрошания, взятый из книги М. Хайдеггера «Бытие и время»: «Хранимые в музее древности, домашняя утварь к примеру, принадлежат “прошедшему времени” и все же еще наличны в “современности”. В каком смысле эти средства исторические, когда ведь они *еще не* ушли? Только в том, что они стали *предметом* историографического интереса, охраны памятников и краеведения? Но *историографическим предметом* подобные средства способны стать все же лишь поскольку сами в себе неким образом *историчны*. Вопрос повторяется: по какому праву мы именуем это сущее историческим, когда оно ведь не ушло? Или эти “вещи”, пусть они сегодня еще *налицо*, имеют все же “нечто прошедшее” “в себе”? *Суть* ли они еще, наличные, то, что они были? “Вещи” явно изменились. Сосуд “с течением времени” стал ломким и изъеден червями. Но не в этой *преходящести*, сохраняющейся и в продолжение наличествования в музее, заключен *тот* специфический характер прошлости, который делает сосуд чем-то историческим. Что же тогда в этом средстве прошлое? Чем *были* вещи, что сегодня они уже не суть? Они суть все еще определенное употребительное средство — но вне употребления. Положим,

однако, они были бы подобно многим наследуемым вещам в домашнем хозяйстве еще и сегодня в употреблении, разве тогда они еще не были бы историческими? В употреблении или вне употребления, они все равно уже не то, что были, что “ушло”? Не что иное, как *мир*, внутри которого они, принадлежат к взаимосвязи средств, встречали как подручное и применялись озаботившимся, сущим-в-мире присутствием. Самого *мира* больше нет. Но *прежнее внутримирное* того мира еще *налицо*. Как миропринадлежающее средство нечто *теперь* еще наличное способно тем не менее принадлежать “*прошлому*”. Что, однако, означает уже-не-бытие мира? Мир *есть* только по способу *экзистирующего* присутствия, которое *фактично* есть как бытие-в-мире»¹.

Об истории, утверждает М. Хайдеггер, можно говорить только лишь применительно к человеку. Историчность бытия человека состоит не в том, что он с годами меняется. Историчность его бытия в том, что он, живя «здесь» и «сейчас», размещает в себе и свое прошлое, и свое будущее. Предметное сущее таким свойством не обладает, оно «все тут». В камне, воде, огне и т. д. нет никакого прошлого и будущего, они, не имея сознания, не включены в поток исторического переживания своего существования. А раз у них нет прошлого и будущего, то нельзя говорить и об их настоящем. Только различение состояний по модусу времени дает возможность иметь представление о прошлом, настоящем

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. М., 1997. С. 380.

и будущем. Отношение ко времени есть только у человека, это его прерогатива. У него есть память, и он сейчас переживает собственное прошлое и сейчас воображает свое собственное будущее. Человек — существо особое, он существо времяобразующее.

История — это не совокупность событий, произошедших ранее, история — это форма человеческого бытия. Историчность бытия человека — это процесс конституирования им событий, созидание того, что «имеет место». Только после созидания того, что «имеет место», то, что уже создано и «имеет место», переживается как бывшее, как историческая действительность. Человек — субъект истории, историчность — форма его бытия, она (форма) налагается на все то, с чем имеет дело человек, и оформляет это все в обстоятельства и события жизни.

М. Хайдеггер указал дорогу, движение по которой должно привести к разгадке тайны истории. Анализ онтологии человеческого существования, по мысли М. Хайдеггера, и есть эта дорога. Так как многообразные картины истории, сменяющие друг друга, — плод экзистенциального бытия человека, то ключ к их пониманию может дать только метод, позволяющий анализировать и интерпретировать фундаментальные структуры человеческого существования.

Период, охватывающий вторую половину XX и начало XXI в., привнес много нового в теоретическую трактовку метода исторического познания. Ему (методу) был брошен постмодернистский вызов. В соответс-

твии с ним объекты исторического познания, историческую реальность как таковую следовало толковать не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как те языковые конструкции, которые используются им в контексте дискурсивной практики.

Язык привносит смысл во все то, к чему имеет отношение, он смыслообразующий фактор, обуславливающий мышление и поведение человека. Не считаться с этим не нельзя, наука, в том числе, конечно же, и историческая, должна учитывать детерминирующее влияние языка на познавательную деятельность. Такое понимание значения языка стало разделяться многими учеными-историками. И, как следствие, вопросы о возможностях и способах исторического познания, его истинности, объективности были сразу же вынесены на обсуждение научным сообществом. В рамках возникшего диалога отчетливо звучали голоса и тех, кто ратовал за отказ от сведения истории к языковым упражнениям, и тех, кто стеной стоял за право истории не выходить за пределы языка.

Если историк знает, что язык навязывает смысл всему, с чем соприкасается человек, то главным для него делом будет работа с текстами, их расшифровка, раскодирование, деконструирование. Для проведения такой работы нужно овладеть лингвистическими умениями, приемами прочтения и интерпретирования, иначе смыслы, содержащиеся в исторических текстах, не будут из них извлечены, а сам исторический поиск будет обречен на неудачу. В ходе такой исследовательской работы историческое

событие, по сути, приравнивается к тексту. «Точно так же, как текст, прошлое обладает значением... оно нуждается в интерпретации и состоит из лексических, грамматических, синтаксических и семантических элементов. Следовательно... деятельность историка есть перевод текста прошлого в нарративный¹ текст историка»².

Исторические знания, какими бы способами они не были получены, всегда облекаются в форму повествования, то есть рассказа, зачастую большого рассказа — метарассказа (метанарратива). Насколько достоверны исторические метанарративы, можно ли им доверять, какую функцию они выполняют в обществе?³ Рассмотрение данной проблематики под критическим углом зрения, по мысли Ж.-Ф. Лиотара³, и составляет суть произошедшего под влиянием постмодернистских идей теоретического переворота в исторической науке.

Постмодерн — это, собственно, и есть «недоверие в отношении метарассказов»⁴. Таковым, к приме-

ру, является метарассказ о единстве всеобщей истории, который, будучи вымышленным, вплетается в ткань исторического дискурса и окрашивает собой смысловую картину происшедшего и происходящего в истории. Метанарративы управляют историческим материалом, они вполне определенным образом связывают его и задают сюжетную канву ходу истории. Ж.-Ф. Лиотар с разных сторон рассматривает это явление, показывает, что история продолжает оставаться несвободной от него и поныне: «На протяжении XIX и XX вв. мышление и действие управляются Идеей... Это Идея освобождения. Конечно, ей даются совершенно разные обоснования в различных, как их обычно называют, философиях истории, больших рассказах, с помощью которых стремятся упорядочить лавину событий: христианском рассказе о первородном грехе и спасении через любовь, просвещенческом рассказе об освобождении от невежества и рабства через познание и равенство, философско-спекулятив-

¹ Нарративный (от *лат.* *narratio, narratus* — рассказ, повествование) — повествовательный; строящийся по специфическим правилам организации речи (устной или письменной) или художественного изображения и имеющий своего рассказчика, от лица которого ведется повествование.

² Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М., 2009. С. 115. Анкерсмит излагает позицию известного историка Х. Уайта, сторонника нарративистской философии истории. Х. Уайт — американский ученый, один из лидеров постмодернистского направления в истории, в опубликованной в 1973 г. книге «Метаистория» выдвинул тезис о полной непознаваемости объективной истории — истории «как было на самом деле» и о существовании истории лишь в виде текстов, которые и должны становиться предметом изучения. Стили исторического повествования Х. Уайт соотносил с литературными стилями («тропами»): трагический, метафорический, иронический и т.д. На русский язык книга Х. Уайта была переведена и издана в 2002 г.: Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. Екатеринбург, 2002.

³ Лиотар Жан-Франсуа — французский философ, создатель концепции «нарратологии», описавший одним из первых ситуацию постмодерна в культуре.

⁴ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. СПб., 1998. С. 10.

ном рассказе о реализации всеобщей Идеи через диалектику конкретного, марксистском рассказе об освобождении от эксплуатации и отчуждения через социализацию труда, капиталистическом рассказе об освобождении от бедности через техно-промышленное развитие. Между этими рассказами есть поводы для тяжбы и даже для распри. Но все они помещают приносимые событиями данности в поток истории, чья цель, если даже остается недостижимой, именуется всеобщей свободой, окончательным искуплением всего человечества»¹.

Нарративистская позиция поставила историю перед ультимативным требованием заново себя переосмыслить. Ей снова надлежало разобраться в том, что есть историческая реальность, профессиональный суверенитет историка, исторический факт и событие, историческая достоверность и т. д. Истории снова стал нужен ответ на вопрос о ее границах, о связях с другими науками: языкознанием, литературоведением, культурологией, социологией, психологией, политологией, эстетикой и пр.

Постмодернистские настроения, завоевавшие сознание многих ученых, активизировали и процесс «эстетизации истории». Рядом историков не без оснований был сделан вывод о том, что постмодернизмом выдано «разрешение» на использование художественных приемов и способов постижения действительности в исторических

повествованиях. Метафоры, разные художественные тропы и стили укоренились в их исторических текстах. Размытой оказалась граница между научным (сциентистским) и художественным описанием исторических событий. В целом, эстетическое измерение заняло видное место в исторических исследованиях. Вопросы, касающиеся использования художественных средств в контексте исторического поиска, разделили историков на тех, кто поддерживал данное начинание, и тех, кто не поддерживал его.

Не будет большим преувеличением сказать, что осмысление роли лингвистики в исторических исследованиях, борьба ряда ученых с лингвистическими перегибами в истории, дискуссии о соотношении истины и красоты в исторических повествованиях, попытки выработать историческое видение, сближающее новые теоретические веяния со старыми, прошедшими проверку временем, определяли направление развития исторической науки в период с середины XX по начало XXI в.

Сегодня понимание необходимости синтеза противоположных точек зрения на природу исторического знания и методы его получения становится доминантным в среде ученых-историков. Свидетельствуют об этом и их труды, и их устные выступления. Нижеприводимый ответ Й. Рюзена² на вопрос о его позиции в современной теории истории, зафиксирован-

¹ Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: письма: 1982–1985 / пер. с фр. М., 2008. С. 41.

² Йорн Рюзен – бывший Президент Института наук о культуре г. Эссена, профессор общей истории и исторической культуры университета Виттен / Хердекке.

ный в книге «Философия истории после постмодернизма»¹, — одно из подтверждений наличия у историков такого понимания: «Я бы не сказал, что я скептически настроен в отношении нарративизма... я всегда выступал за нарративизм, поскольку глубоко убежден в том, что историческое знание имеет нарративную структуру и что эта нарративная структура эпистемологически определяет ее особую природу как специфической области человеческой культуры. Логика наррации есть базовый фактор исторического сознания даже на до-лингвистическом или металингвистическом уровне визуального восприятия.

Нарративизм — весьма важное достижение в теории истории. Он привнес новые инсайты относительно особой природы исторической дисциплины в корпусе социально-гуманитарного знания. Историческое сознание концептуализирует реальность с помощью ментальной процедуры наррации. Но в то же время я стараюсь продолжать традицию методологии и теории истории, которая связана с рациональностью и разумом в исследованиях прошлого и с историческим опытом. Я критикую нарративизм, когда он игнорирует систематическую рациональность и критерии истины, и я критикую сциентистский подход к истории, когда он игнорирует narra-

цию как фундаментальную процедуру исторического сознания.

Я бы охарактеризовал свою позицию как попытку синтезировать два подхода в теории и методологии истории, оппозиционные друг другу в современных дискуссиях историков и философов. Я пытаюсь преодолеть дихотомию между нарративизмом, с одной стороны, и научной рациональностью, с другой»².

Завершая беглое рассмотрение теоретического пути, пройденного исторической наукой с конца XIX до начала XXI в. в поиске метода постижения прошлого, следует еще раз отметить то, насколько он был многосложным. На его формирование оказали мощнейшее влияние теоретические установки неогегельянства (Р. Дж. Коллингвуд и др.), «философии жизни» (Ф. Ницше), неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), герменевтики (В. Дильтей), неопозитивизма (К. Поппер и др.), «понимающей социологии» (М. Вебер), феноменологии и экзистенциализма (М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.), постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар и др.). Конечно же, список имен мыслителей, представлявших эти направления теоретической мысли и внесших серьезный вклад в развитие методологии исторического познания, не исчерпывается вышеназванными³.

¹ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / пер. с англ. М., 2010.

² Цит. по: Доманска Э. Указ. соч. С. 200–201.

³ В XX в. было немало и тех, кто пытался сблизить методологические позиции, присущие разным направлениям теоретической мысли в исторической науке, свести их в одно концептуальное видение. Примером такого удачного синтеза являются труды Р. Арона по философии истории, в которых неокантианские идеи Г. Риккерта, герменевтические идеи В. Дильтея и идеи «понимающей социологии» М. Вебера были органично включены в оригинальную теоретическую конструкцию самого автора, получившую широкую известность.

Мы лишь кратко очертили влияние теоретических построений ряда выдающихся мыслителей на процесс становления методологического базиса исторической науки. Но даже и такой очерк демонстрирует, что в период с конца XIX по начало XXI в. концептуальные представления об истории как о непрерывно развивающемся процессе, имеющем свою внутреннюю логику и содержащем в себе конечную цель, уступали место концепциям, согласно которым ход истории не является движением по восходящей линии. Ученые стали меньше внимания уделять онтологическим конструкциям, отдавая предпочтение гносеологическим, и, как следствие, вопросы, касающиеся определения возможностей научного познания прошлого, выявления границ, разделяющих

историческое познание и познание естественно-научное, обоснования истинности или ложности исторических фактов, установления зависимости результатов исторического познания от психологических характеристик исследователя и от свойственных ему форм сознательной деятельности; вычленения связи исторического познания с идеологическими настроениями эпохи, возможности использования научного и художественного языков в исторических описаниях, стали первоочередными в их исследовательском списке. Совершенствование метода исторического познания в период с конца XIX по начало XXI в. и было развертыванием в разных теоретических плоскостях поиска ответов на эти многотрудные вопросы.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит; пер. с англ. — М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаев. — М.: РООИ «Реабилитация», 2009 — 400 с.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация и капитализм. / Ф. Бродель — Т. 2. Игры обмена / 2-е изд.; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. — М.: Издательство. «Весь Мир», 2006. — 672 с.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
4. Дильтей, В. Построение исторического мира в науках о духе / В. Дильтей: Собрание сочинений в 6 томах (Том 3). — М.: Три квадрата, 2004. — 419 с.
5. Доманска, Э. Философия истории после постмодернизма / Э. Доманска; пер. с англ. М. А. Кукарцевой. — М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. — 400 с.
6. Дройзен, И. Г. Историка / И. Г. Дройзен; пер. с нем. Г. И. Федоровой; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 583 с.
7. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд; перевод и комментарии Ю. А. Асеева. Статья М. А. Кисселя. — М.: Наука, 1980. — 486 с.
8. Корнетов, Г. Б. История педагогики: теоретическое введение: учеб. пособие / Г. Б. Корнетов, М. А. Лукацкий. — М.: АСОУ, 2013. — 172 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 60).
9. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982—1985 / Ж.-Ф. Лиотар; перевод с французского, примечания и общая редакция А. В. Гараджи. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. — 145 с.
10. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
11. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — 830 с.
12. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Ф. Ницше; пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 528 с.
13. Поппер, К. Ницета историзма / К. Поппер; пер. с англ. — М.: Издательская группа «Прогресс» — VIA, 1993. — 187 с.
14. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт; пер. с нем. Общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; Сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева. — М.: Республика, 1998. — 410 с.
15. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 528 с.
16. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. — М.: Ad Marginem, 1997. — 452 с.
17. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. М. И. Левина. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.